

Прометей

Наблюдательный человек, анализирующий поток событий и их интерпретаций, неизбежно почувствует наличие закономерностей. Человеческая культура нестабильна, но нестабильность эта последовательна. Предметы, на которых концентрируется общественное внимание, сменяют друг друга определённым образом. Меняются формы этого внимания, степень концентрации, но все эти изменения подчиняются своей внутренней логике, которая может быть осознана и определена. Если, к тому же, описываемый нами наблюдатель консервативен и отождествляет себя с той или иной традицией, он легко может выделить изменения, направленные на разрушение его традиции, и эти изменения тоже складываются в тенденцию. Любая традиция испытывает сегодня давление извне, и это давление нарастает.

Ключевое тут слово «сегодня». Человек (а наш наблюдатель - человек, и более того: любой человек в значительной степени является наблюдателем) - существо во времени, его время - это «здесь и сейчас», из которого он не может выйти. Вернее, с помощью рассуждения - может, но его субъективные переживания связаны именно с этим моментом. Возможно допущение, что и прежде любая традиция подвергалась культурной атаке, но переживаем мы именно за свою традицию, за её настоящее и будущее. И нас интересует, прежде всего, именно тот механизм, который пытается перемолоть нас сегодня - откуда он взялся, как устроен и что ему можно противопоставить.

Представим себе, что рассматриваемый нами наблюдатель, - гражданин и патриот России. Его озабоченный взгляд легко выловит в информационном потоке свидетельства культурной агрессии против своей страны. Российская идентичность под угрозой. Русский человек перестаёт быть самим собой. Его искушают и провоцируют со всех сторон, и он мало-помалу поддаётся то там, то тут. Колёса механизма вращаются, мука мелется, Россия перерабатывается - правда, пока непонятно какой продукт на выходе должен получиться.

Но если атака идёт со всех сторон, разве нельзя её интерпретировать как культурную осаду? А осадой должен кто-нибудь руководить.

Отсюда легко понять, откуда возникла «теория заговора» и почему она столь популярна.

Но «теория заговора» популярна не только в России, и не в одной России говорят о «мировой закулисе», этой тайной руководящей верхушке глобального культурного процесса (в нашем понимании - и политика и экономика лишь элементы культуры как единой символической среды человеческого бытия). Почему? По той же причине: многие и многие люди из разных культур ощущают потерю культурной идентичности. Та культура, которую они считали своей, уходит, а что приходит взамен - не очень понятно, или даже больше: многое понятно, но неприятно. И возникает вопрос: если перемены не радуют, то почему они происходят, и можно ли их остановить?

Попытки защитить свою культуру предпринимаются там и тут. Но вот что удивительно, все эти охранительные действия, как правило, представляют собой реакцию на то, что уже случилось - этакое метание из стороны в сторону и затыкание дыр. Тогда как разрушающее давление, как уже говорилось, оказывается со всех сторон и выглядит чуть ли не планомерной и системной кампанией.

Так, может быть, всё-таки есть эта «мировая закулиса», и «теория заговора» справедлива?

Несомненно, кукловоды существуют. Всегда были и будут люди, стремящиеся оставаться в тени и дергать за ниточки, добиваясь своих целей. Но насколько они способны построить такую систему, которая предполагается «теорией заговора»? Речь идёт ни много, ни мало о создании всемирной корпорации по культурному воздействию. Ну, всемирная корпорация - здесь вроде бы ничего сложного нет, но, судя по тому, с чем нам приходится сталкиваться, она должна быть эффективной, как никакая другая. А вот это противоречит теории управления.

Цели и центры влияния. Самыми сильными политическими мотиваторами являются деньги и власть. История знает и другие основания политических действий, в том числе и самые благие, но в силу человеческого несовершенства деньги и власть всегда в итоге брали своё.

Ради чего была бы построена всемирная корпорация «мировой закулисы»? Ради денег? Гораздо дешевле и экономически эффективней было бы адаптировать бизнес-процессы к существующим культурам. Впрочем, так и сделано. Финансовый мир давно контролируем и прозрачен. Затраты на разрушение культурных идентичностей выглядят явно избыточными.

Ради власти? Это более понятно, но власть сама по себе интересна лишь конкретному человеку, а не корпорации. Большая корпорация неизбежно становится ареной взаимодействия различных центров влияния. В этом, кстати, одна из основных причин падения эффективности при увеличении масштаба. Существой всемирная корпорация, её усилия были бы направлены не столько на борьбу с традицией, сколько на выяснение отношений между центрами влияния в ней самой. Ничего подобного не наблюдается.

Управление и контроль. Планомерная и направляемая из одного центра кампания против чего бы то ни было не обходится без стандартных этапов управленческого цикла. Сначала необходимо обеспечить получение информации с мест (так сказать, «с фронта»). Затем эта информация анализируется. На основе анализа принимается управленческое решение. Решение доводится до исполнителей. Организуется контроль исполнения, включающий сбор информации для следующего управленческого цикла. На всё это нужно время, так как процесс требует последовательности. Мы видим, как работает механизм государственного управления, сколько уходит времени на один оборот его колеса. В случае мировой корпорации организация ещё сложнее, процесс требовал бы ещё большего времени, бюрократия засасывала бы ещё сильнее.

В реальности нет ничего подобного. Любая оплошность защитных систем традиции используется сразу же и в полной мере. Ни один единовластный орган не смог бы столь оперативно обсуждать столь многие ситуации и принимать по ним решения, он даже не успевал бы просто визировать готовые предложения.

Исполнители. Любая корпорация нуждается в кадрах. Кадры нужно готовить, отбирать. Набранный персонал необходимо мотивировать к труду через систему поощрений и наказаний. А люди несовершенны, и поэтому склонны работать скорее плохо, чем хорошо, манкировать своими обязанностями. С этим управление сталкивается повсеместно.

Но только не наша «закулиса». У неё нет проблемы с кадрами. Всегда находятся люди, готовые участвовать в культурной атаке. Их не надо как-то особенно мотивировать, многим даже не надо платить. Люди работают «на износ», некоторые рискуют свободой, здоровьем, даже жизнью.

Но это профессионалы. А есть и любители - чаще всего добропорядочные граждане, даже искренне исповедующие традицию. И в то же время нет-нет, да и сделают что-нибудь такое, более соответствующее атакующей стороне. Или просто закроют глаза и не

предпримут ничего для защиты. Почему? Просто так, попав в общую волну настроения, подчиняясь некоему духу времени, носящемуся в воздухе.

В этом духе, думается, всё и дело. Нет никакой «мировой закулисы». Вернее, она есть, но такая, какой и должна быть - состоящая из групп своекорыстных людей, раздираемых внутренними противоречиями. Далеко не всесильная. И вовсе не она обеспечивает давление на традицию.

Это давление имеет не политическую, а идеологическую природу. Никто никому не говорит, что делать, не ставит планов, не контролирует исполнение. Просто генерируются и распространяются в массовом сознании некоторые идеологические матрицы, которые воспринимаются людьми по-разному, в зависимости от их личных качеств, - кем-то как абсолютная истина и категорический императив, кем-то как общее мнение, кем-то как искус и ментальный соблазн. Проникаясь идеологией, люди действуют, - не по принуждению извне, а по своей собственной воле, а потому - творчески и эффективно.

Откуда эти матрицы берутся? Создаются людьми, уже проникнутыми соответствующим духом. Это - как мутирующий вирус. Бушует эпидемия, и мы в самом центре её.

Но, может быть, нам эта эпидемия только кажется? Всегда есть люди, которые глядят в разные стороны. Одни смотрят вперёд, другие назад. Одни ломают старое, другие пытаются его сохранить. Одни что-то строят, а другие говорят «не надо», опасаясь последствий. Без первых невозможны прогресс и развитие. Без вторых...

Вот тут-то и засада. Ответов может быть два. Люди, оглядывающиеся назад, нужны, чтобы общество не потеряло свою идентичность, чтобы сохранить традицию и культуру. Это первый ответ. А согласно второму консерваторы вообще не нужны, они только мешают. Их следует устранить - если и не физически, то хотя бы просто ограничить влияние. Старые носители консервативного духа вымрут, а вот новых быть не должно... (Большевицкая логика, неправда ли?)

Оба ответа появились не сегодня. Вроде бы опять ничего нового, и всё же новое есть. Оно в том, что второй ответ стремительно побеждает. В предыдущие эпохи он был маргинальным, в современную он уже несколько раз становился господствующей идеологией.

И этот симптом говорит, что эпидемия не придумана нами, она действительно существует. Ветер в головах усиливается, и многие крыши уже снесены ураганом.

Однако имеет смысл переменить язык и перейти от образов к терминам. Объект исследования должен быть назван, тогда он легче поддаётся описанию и анализу.

Представляется, что то, о чём мы здесь говорим, удобнее всего определить как **ПРОМЕТЕЕВСКИЙ ПРОЕКТ**. Попытаемся обосновать обе части этого именованного.

Прометей и европейская культура

Сегодня фигура Прометея несколько утратила былую популярность. Позже мы попытаемся разобраться, почему это произошло, - закат эпохи Прометея полностью укладывается в логику Проекта. Но длительное время Прометей был вдохновителем и символом культурной динамики Европы. Г.Г. Гадамер (1900-2002) величает миф о Прометее мифом европейской судьбы или мифом культуры¹. Это - голос Запада. А что у нас? Например, у П.С. Гуревича можно найти следующий панегирик Прометею:

«Образ этого титана - одно из драгоценных творений греческой мифологии. Прометей стал воплощением отваги и стойкости, гордого упрямства и сопротивления старым порядкам, любви к свободе и к людям. Он относится к древнейшим и вечно живым

---

¹ См. Гадамер Г. «Прометей и трагедия культуры» (1954)

символам борьбы за прогресс и счастье человечества. Мало кто из мифических героев удостоился такого внимания, как Прометей. Более двух с половиной тысяч лет он продолжает жить в произведениях поэтов и мыслителей от Гесиода и Эсхила до Кальдерона, Гете, Байрона, Шелли, а в XX в. - А.Жида и Казандзакиса».

Популярность Прометея и сконцентрированной в нём символики восходит ещё к античности. Знаменательно, что мы не располагаем классическим текстом, излагающим собственно миф о Прометее. Существуют разные, не очень хорошо стыкующиеся между собой истории о Прометее, и это показывает, что миф долгое время «не отлагался», не переходил в состояние «культурного наследия», а был живым, востребованным для осмысления бытия элементом культуры.

Впрочем, на поле художественной или философской литературы актуальность Прометея сохранялась до последнего времени, и всякий автор, обращавшийся к его истории, собирал её из кусочков по-своему и по-своему расставлял акценты. Т.е., с поправкой на «просвещённость» и рационализм европейцев нового и новейшего времени, можно сказать, что они также «не отпускали» этот миф, не давали ему превратиться в «сказанное», в то, что уже состоялось. Аналогов по актуальности Прометею в культуре нет, разве что библейское повествование. Но Иисуса Христа и сегодня по-прежнему называют Господом, а титана Прометея в реальность всё же не помещают. Иного существования, кроме как в качестве культурного символа, у него нет. Зато это символ первой величины. Поэтому Гадамер, несомненно, прав, когда говорит, что рассказать историю истолкования мифа о Прометее - значит рассказать саму историю европейского человечества.

История истолкования прометеевского мифа - это отдельная, большая и хорошо изученная тема. Мы её затрагивать не будем, для нас достаточно лишь набросать сам миф в общих чертах.

В поздних вариантах мифа Прометею приписывается сотворение людей. Таким образом подчёркивается значимость этого персонажа. Это также ещё и попытка построить рациональную модель объяснения: почему Прометей заботится о людях и участвует в разрешении их проблем? Необоснованный альтруизм чужд языческому мировоззрению, а так всё становится на свои места - Прометей заботится о своём творении.

Однако исходный мифологический сюжет касался, прежде всего, отношений людей и Олимпийцев. Люди, по-видимому, сотворённые Зевсом, должны были принести жертву. По обычаю, известному во многих культурах, богам приносилась часть жертвенного животного, а что оставалось, люди забирали себе. С помощью этого ритуала боги участвовали в человеческой трапезе. Прометей разделил быка, сделав две кучи, - одну из мяса, а другую из костей, прикрыв их жиром. Жирная пища означала благополучие, т.е. вторая куча выглядела предпочтительней, чем первая. После чего Прометей предложил Зевсу выбрать то, что «*в груди ему дух укажет*». Зевс распознал обман, но всё же выбрал кучу костей под жиром, чтобы иметь повод наказать людей и Прометея.

В качестве наказания люди были лишены огня. Но Прометей украл огонь у богов и принёс его людям.

Что такое этот огонь? Необходимость мифа, объясняющего происхождение обычного огня, используемого человеком, сомнительна. Лосев справедливо замечает, что нет человеческого общества, которое бы не знало огня; огонь сопутствует человеку всюду. И древние это понимали не хуже нас. Поэтому уже в античную эпоху огонь Прометея получал расширенное толкование. У Платона в «Протагоре» читаем:

«и вот в сомнениях, какое бы найти средство помочь человеку, крадет Прометей премудрое искусство Гефеста и Афины вместе с огнем, потому что без огня никто не мог бы им владеть или пользоваться. В том и состоит дар Прометея человеку. Так люди овладели умением поддерживать свое существование, но им еще не хватало умения жить обществом - этим владел Зевс, - а войти в обитель Зевса, в его верхний град, Прометею было

нельзя, да и страшна была стража Зевса. Прометею удалось проникнуть украдкой только в общую мастерскую Гефеста и Афины, где они предавались своим искусным занятиям. Укрыв у Гефеста умение обращаться с огнем, а у Афины - ее умение, Прометей дал их человеку для его благополучия, самого же Прометея после постигло ... возмездие за кражу, как говорят сказания».

За кражу огня следует новое наказание. Люди наказываются тем, что на землю посылается Пандора - первая и прекрасная женщина (её имя означает «всем одарённая»), которая открывает, несмотря на запрет, сосуд, подаренный Зевсом, выпуская на волю пороки, несчастья и болезни. А Прометей приковывается к горам Кавказа, и орёл прилетает терзать его печень.

Но Прометей знает тайну: владычество Зевса не вечно, на свет может появиться тот, кто лишит Зевса власти. В конце концов, Прометей раскрывает тайну Зевсу в обмен на освобождение: Зевсу не следует вступать в брак с богиней Фетидой, и тогда соперник ему не родится. Прометей знает больше, чем Зевс. Об этом говорит и его имя («мыслящий прежде», «предвидящий»).

Таково содержание прометеевского мифа; беря из него те или иные моменты, европейское сознание формирует наполнение символа. Попробуем выделить общие места его интерпретаций.

Прометей принёс людям огонь - но это не столько свет и тепло домашнего очага, сколько свет знания и огонь культуры. Прометей - творец культурного человека. Именно благодаря Прометею человечество есть то, что есть - не просто один из биологических видов, а разум, способный подчинить себе мироздание.

Но вместе со светом познания приходит и скорбь. Внеприродное состояние означает осмысление физического несовершенства. Вслед затем приходит и осознание несовершенства культурного и социального. Такова расшифровка фигуры Пандоры. Беды и несчастья неизбежны, но человек в силах их преодолеть. На дне сосуда Пандоры осталась надежда, так и не выпущенная в мир, но интерпретаторы как-то не придают этому большого значения. Они более оптимистичны, чем сам миф. Они верят в Прометея: он неоднократно обманывал Высшие Силы, почему же нельзя их ещё раз обмануть, и всё-таки избавиться от несчастий. Или утешиться хотя бы тем, что боль несчастий гораздо менее существенна, чем то благо, которое дал людям прометеевский огонь.

В личном плане огонь - это творческая сила. Внешний мир создаёт препятствия для её проявления, но эти препятствия, в конце концов, будут разрушены, как, в конце концов, был освобождён Прометей. Личный пример Прометея - это жертвенность и стойкость в перенесении мук. Полученная Прометеем свобода воспринимается как результат подвига, успех Прометея. Опять-таки затушевывается сюжет примирения Прометея с Зевсом. В примирении нет ничего героического. Если бы Прометей подлежал критике, то завершение истории было бы истолковано как сделка: Прометей купил свободу ценой признания власти Зевса. Но Прометей критике не подлежит, и потому, считается, что он заставил Зевса считаться с собою. Позволив расковать Прометея, Зевс согласился считать допустимыми если и не его методы, то уж результаты его действий - точно.

Таким образом, история Прометея являет собой успешный пример борьбы с высшей властью. Не случайно образ Прометея был популярен в революционной среде. С Прометеем сравнивали Карла Маркса. Советская писательница Галина Серебрякова свою трилогию о Марксе так и назвала - Прометей, а одну из частей - «Похищение огня», ещё больше сближая биографию Маркса с мифом. В 1922 году в г. Каменском (с 1936 г. Днепропетровск) устанавливается скульптура – раскованный Прометей, ныне являющаяся символом города.

Мыслилось, что в революцию народ, этот Прометей, собственноручно разорвал оковы, т.е. бунтарский пафос мифа был выделен и усилен.

На Западе Прометей трактовался более индивидуалистично. Это - символика личного бунта, в первую очередь бунта разума, не признающего оков несомненности. Вместо социальной свободы образом Прометея иллюстрировалась борьба за личную свободу. Человек сам вправе создавать свою жизнь, не примиряясь с судьбой, будь она выражением Божией воли или даже диктатом естественных природных законов. Прометеевский человек претендует на полное подчинение себе мироздания. Поэтому именем Прометея фантасты называли космические корабли, позволяющие человечеству сбросить оковы пространственной ограниченности. Эта мысль имела продолжение и за пределами вымысла. «Прометеем» называлась программа НАСА по разработке космических кораблей с ядерной двигательной установкой, свёрнутая ныне по причине нехватки финансирования.

Прометей и ПРОЕКТ

Описанные интерпретации прометеевского мифа можно считать формулами и даже активными программами европейской ментальности. Они образуют базовое ядро или ведущий контур того, что выше мы назвали ПРОЕКТОМ.

Программы эти носят, как правило, разрушительный характер и направлены против существующего порядка вещей.

Возможно, это требует пояснения. Рассмотрим категориальный аппарат, используемый ПРОЕКТОМ и основанный на прометеевском мифе.

Творчество. Огонь, принесённый Прометеем с Олимпа - священен. Творчество уподобляет человека богам. Поэтому способность творить есть абсолютная ценность. Очевидно, что при таком подходе важен именно акт творения, что именно и как делается - это уже вопросы второго порядка, нечто переменное.

Индивидуальность. Творение всегда лично. Если ценно творение, не менее ценен и его автор. Но можно посмотреть и с другой стороны: человек, никак не проявивший себя в творчестве, ценностью не обладает. Он не идёт следом за Прометеем, фактически он отвергает его дар. Отсюда проистекает негативная оценка инертной массы - обыватели, мещане, толпа. Их надо будировать, пробуждать к творчеству, к светлой жизни, жечь прометеевым огнём, и при этом можно смотреть на них свысока и даже презирать. Масса - и объект развития и его жертва, творческая личность - инициатор развития и его инструмент. Неподатливость объекта приводит к деформации инструмента - такова основная трагическая коллизия творчества.

Вызов. Но то, что ты личность, ещё требуется доказать. Это знаменитый вопрос Родиона Раскольникова: «*Вошь ли я как все, или человек?... Тварь ли я дрожащая или право имею*». Так или иначе прометеевский человек должен бросить вызов. И это не вызов равного на дуэль - дуэль лишь разновидность драки, и в ней, как и в драке, нет ничего героического. Вызов должен быть обращён к чему-то заведомо более сильному - к обществу, государству, законам природы, наконец, к Богу. Ведь и Прометей выступил против Зевса, превосходящего его могуществом и властью.

Ситуация вызова - своего рода процедура инициации прометеевского человека. Всякий, кто исповедует логику ПРОЕКТА, рано или поздно проходит через неё.

Упорство. Мало бросить вызов, надо ещё и принять ответственность за него. Стреляющий в небо должен предполагать, что снаряд может свалиться ему на голову. Прометеевский вызов направлен вверх, против превосходящей силы, и если эта сила вызов принимает и начинает реагировать на раздражитель, последствия могут быть печальны. Как Прометей страдал, прикованный к горам Кавказа, так готов к страданию должен быть и

прометеевский человек. Упорство и непоколебимость должны стать чертами его характера. В этой логике компромисс - это слабость. Любой компромисс допустим лишь временно, как тактическая уловка, а не как стратегическое решение. Итоговая победа должна быть полной. Как уже говорилось, это несколько противоречит мифу, но логика ПРОЕКТА важнее достоверности мифологического сюжета.

Свобода. «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку», - говорит пословица. Юпитер обращался в быка, но не всякий бык - Юпитер. Чем выше положение, тем больше свободы (по крайней мере, таков взгляд снизу). Вызов, брошенный вверх, есть требование повышения статуса, который измеряется для лица, бросившего вызов, прежде всего степенью свободы. В соответствии с прометеевской логикой всякий обычный бык должен стремиться стать равным Юпитеру.

Свобода неразрывно связана с творчеством, причём эта связь нелинейна. Чем больше свободы, тем меньше препятствий для творчества. Тезис этот не очень подтверждается практикой, злая шутка, что автор, чтобы от него был толк, должен быть голодным, более справедлива. Опять-таки, падение цензуры в России не подтолкнуло к созданию шедевров. Но мы сейчас горим не о адекватной картине реальности, а о понятийном аппарате ПРОЕКТА. В рамках идеологии ПРОЕКТА ценность свободы определяется именно тем, что предоставляет человеку возможность для творчества. Абсолютная свобода соответствует максимуму творческой реализации, в пределе свобода и есть творчество.

Менее бросается в глаза обратная связь. Но она не менее значима для логики ПРОЕКТА. Творчество оправдывается свободой. Предпочтительней то творчество, которое направлено на достижение большей свободы. Только творчество, способствующее освобождению, является подлинным творчеством, заслуживающим это имя. Прочее же - не более чем потакание вкусам толпы.

С учётом этой зависимости, свободу уже нельзя считать сервисным атрибутом. Она становится целью. Но что тогда значит для прометеевского человека стремление к свободе? Это - способ утверждения человеческой самости. Состоявшийся человек, подлинная прометеевская личность - это человек, достигший абсолютной свободы, когда он имеет полную возможность для творчества, но, так как творчество уже не может быть направлено на освобождение, он не творит. В этом состоянии творчество было бы лишь дискредитацией человека и шагом вниз от его наивысшего статуса.

Получившаяся картинка выглядит абсурдно; в используемых ПРОЕКТОМ идеологических клише ничего подобного, конечно же, нет. Однако описанная здесь предельная ситуация соответствует внутренней логике ПРОЕКТА, и забывать о ней не следует, особенно в плане анализа соперничества человека и Бога. Бог, обладая абсолютной свободой, творит. Прометеевский человек добивается абсолютной свободы для исчерпания творчества. С точки зрения описанной модели, творчество при абсолютной свободе ущербно, и таким образом человек становится выше Бога. Такое умозаключение выглядит не более шизофренически, чем сама идея богоборчества, а богоборчество составляет одно из основных направлений ПРОЕКТА.

Эффективность. Прометей прагматичен. Его интересуют не какие-то там отношения, а вполне материальный результат. Люди получают мясо жертвенных животных, пускай и с помощью обмана. Они согревают свои жилища украденным огнём. Цель оправдывает средства. Для построения нового общества можно разрушить весь мир до основания, как поётся в Интернационале. Вообще революционная логика - прометеевская в высшей степени.

Ещё одна распространённая формула - «любой ценой». Вообще для прометеевского сознания перспективы имеют большее значение, чем последствия. Поэтому цена вообще

может оставаться неизвестной, главное - иметь на руках достигнутый результат. «Победителей не судят».

Таким образом, прометеевская идеология стала вдохновителем и оправданием безудержного научно-технического прогресса. Любые исследования и эксперименты приветствуются ради грядущих благ, которые они могут принести человечеству. Чистое умозрение в науке потеряло авторитет, которым располагало, например, во времена Аристотеля. С точки зрения прагматизма, знание фактов и умение ими пользоваться предпочтительней понимания. Современного человека не смущают технологии, которыми он пользуется, не имея цельной картины мира.

Рациональность. Всякое знание должно быть верифицировано. Ничто не должно приниматься на веру. Вера во что бы то ни было ограничивает свободу человека. Если человек принимает решение, полагаясь на веру, а не на проверенную им информацию, это означает, в соответствии с прометеевской логикой, что он действует по подсказке, и может стать объектом манипуляции. «Вера не должна быть слепой». Очень интересная формула. Она вроде бы допускает возможность веры, и в то же время отрицает её. Ведь в действительности «не слепой» веры не бывает. Либо ты основываешься на доверии, либо на проверке информации, если информация подлежит проверке, то, значит, доверия нет. «Доверяй, но проверяй» означает «не доверяй».

Не случайно сохранилось высказывание Протагора: «Человек есть мера всем вещам - существованию существующих и несуществованию несуществующих». Оно вполне соответствует духу ПРОЕКТА. Также знаменательно, что обычно его повторяют в форме более общего утверждения «Человек есть мера всех вещей».

Люди с помощью Прометея обманули богов, и это им сошло с рук. Стало быть, человек имеет право поступать по-своему и сам оценивать собственные поступки. Более того, хитрая жертва Прометея, оставляющая богам лишь кости, сделалась обыденной практикой, а значит, человек стал участником организации мирового порядка, и к прочим вещам также имеет право прилагать свою мерку. С точки зрения человека, именно человек есть самый высший критерий. То же справедливо и на персональном уровне: с точки зрения конкретной личности именно она мера всем вещам.

Новизна. В процессе творчества обязательно возникает что-либо новое. Это - логическая неизбежность. Самоценность творческого акта придаёт ценность и новизне. А поскольку сущностные оценки результата творчества отбрасываются, как несущественные, формальный признак новизны становится достаточным критерием для оценки творческой деятельности. Чем больше новизны, тем более творчески подошёл к делу автор. В рамках прометеевского мироощущения это - безусловно, положительная оценка. Задача личности - максимально реализовать свою способность к творчеству, а значит, результат должен представлять собой максимально возможную новизну.

За счёт чего будет достигаться новизна - не столь важно. Не обязательно иметь дело с новыми сущностями, достаточно уже имеющиеся сущности поместить в новый контекст. Структурные новшества даже более интересны, поскольку затрагивают фундаментальные положения. Чем более общий таксон подвергается реформации, тем больше градус новизны, а стало быть, продуктивнее творчество.

Развитие. То, что было новым вчера, сегодня новым уже не является. Потребность творить (а для прометеевского человека творить означает самоутверждаться, осуществлять своё бытие - т.е. переводить полноту своей личности из потенциального в действительное) побуждает постоянно генерировать новизну. Причём темп замены устаревшей новизны вчерашнего дня новизной актуальной в идеале должен лишь нарастать. Этот процесс обычно

называют культурным развитием или прогрессом. В этой системе координат регрессом или деградацией является отказ от нового в пользу существовавшего прежде, а прекращение выработки нововведений определяется как застой или стагнация.

Отсюда видно, что прометеевское сознание воспринимает гонку за новизной как норму. Прогресс не должен ни тормозиться, ни, тем более, останавливаться. Прометеевский человек активен, настроен на борьбу и потому агрессивен. Ему необходима экспансия, это его привычная среда обитания. Покорение тайн природы, пространства и времени, эмиграция и колонизация - всё это его вдохновляет и стимулирует. Но экспансия не обязательно должна выводить за пределы. Не менее вдохновляющей является и структурная экспансия - покорение уже существующих структур. В сознании прометеевского человека звучит постоянный революционный призыв.

В истории интерпретаций прометеевского мифа есть одна загадка. Геродот в своей «Истории»(II.53) высказал мнение, которое потом стало расхожим, что Гесиод и Гомер впервые «установили для эллинов родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы», т.е фактически создали мифологию греков. Но если у Гесиода мы находим подробное изложение истории Прометея, причём о Прометее рассказывается, как и в «Трудах и днях», так и в «Теогонии», то Гомер о Прометее даже не упоминает. Между тем, нельзя сказать, что Гомер жил раньше, чем сложился миф о Прометее. Хотя мы не знаем, когда именно жил Гомер, и помещение Гомера и Гесиода в одну эпоху, скорее, дань традиции, пусть и довольно древней (например, предание «Состязание Гомера и Гесиода, написанное не позднее III-го века до Р.Х. делает их современниками), общий мифологический контекст у них, как правило, совпадает, и Прометей тут составляет бросающееся в глаза исключение. Гесиодовский текст не позволяет заключить, что образ Прометея - авторский вымысел, наоборот, считается, что Прометей несёт в себе черты древнего доолимпийского божества, покровителя местного населения².

Так почему же молчит Гомер? А.Ф. Лосев считает, что Прометею нет места «в царстве строго и принципиального героизма», описываемом Гомером. Гомеровский эпос являет полное господство могущества Зевса во Вселенной. В нём действующие лица - «богоравные» герои, часто прямые сыновья Зевса и полубоги, имеющие достаточный статус для совершения подвигов. Частная инициатива «неполномочных» членов родовой общины в гомеровском мире не допускается³.

Это представляется определённой натяжкой метода. Дело отнюдь не в частной инициативе. Хитроумный Одиссей и многохитрый (как именуется его Гесиод) Прометей стоят друг друга. Гомер вообще мало говорит о титанах, поскольку искренне поклоняется Зевсу, а стоит ли распространяться о врагах своего господина? Зевс и боги Олимпа для Гомера - актуальная реальность, экскурсы в иные мифологические сюжеты возникают разве что к слову, случайно... Но Прометей поддерживал Зевса, вряд ли его можно назвать его врагом. История Прометея - яркая и продуктивная, ею можно было бы проиллюстрировать многие события из жизни героев... И не такая уж это глубокая мифологическая древность по отношению к Троянской войне.

Основной мотив молчания Гомера всё же другой. Пример Прометея опасен. Он - не внешний враг, он - революционер. Он несёт с собой дух разрушения существующих

---

² В мейнстриме прометеевской идеологии, возносящем имя человека превыше небес, тоже есть свои подводные камни. Что есть, собственно говоря, человек? Это некая среднестатистическая реальность или возможность, которую только предстоит реализовать? Можно нарисовать различный образ совершенного человека и начать подгонять реальность под эту мерку. Немецкий нацизм с его культом человека арийской расы в частности и здорового человека вообще полностью соответствовал основному вектору ПРОЕКТА. См. Antiqua Энциклопедия древнегреческой и древнеримской мифологии.

³ См. Лосев А.Ф. «Мировой образ Прометея» (Глава из книги «Проблема символа и реалистическое искусство», 1976)

установлений и переустройства мира по собственному усмотрению. В образе Прометея нет ничего к назиданию, а только один искус. Приобщив общественное сознание к «методу Прометея», можно ожидать возрастание нестабильности в обществе. Вероятно, Лосев это и имел в виду, но не мог сказать прямо, поскольку в советской идеологии нельзя было дать отрицательную характеристику революционности.

Так или иначе, замолчать Прометея не удалось, Европа восприняла его уроки, и теперь можно оценить последствия произведённых разрушений. Посмотрим на семантические структуры, разрушенные ПРОЕКТОМ.

Религиозность. В Древней Греции Прометей избежал участи символа богоборчества. В «Прикованном Прометее» титан угрожает Зевсу потерей владычества, укоряет и язвит Громовержца, однако это всё - критика, а не мятеж. Главный акцент автор трагедии делает на другом: Прометей покровительствует людям; именно это и вызывает гнев Зевса, заставляет его забыть заслуги Прометея периода титаномохии. Верховная власть ведёт себя несправедливо, трагический образ Прометея призван заострить восприятие несправедливости. Но несправедливость неизбежно будет преодолена, и Прометей, обладая провидческим даром, предвидит примирение с Зевсом:

*«Я знаю, суров он и волю свою
Считает законом. Но время придет -
Согнется и он,
Смягчится, уступит. Заставит нужда.
Уймет он тогда безумный свой гнев
И сам поспешит, союзник и друг,
Ко мне - союзнику-другу»*

Впрочем, трагедия заканчивается лишь усугублением мук. Прометей вместе со скалой, к которой он прикован, проваливается в царство мёртвых. Зевс не готов просить, он требует, чтобы Прометей открыл угрожающую ему тайну. А Прометей горд, и не желает уступить первым: пока его не расковали, он отказывается говорить. Конфликт амбиций. Однако симпатии автора и зрителя, очевидно, на стороне Прометея - он человеколюбец, а Зевс - равнодушен и жесток.

«Прикованный Прометей» добавляет ещё одну загадку в историю ПРОЕКТА. Традиция признаёт автором трагедии Эсхила. Между тем, нигде больше у Эсхила не встречается столь откровенной критики Зевса. То, как показан Зевс в «Прикованном Прометее», противоречит его образу в других произведениях Эсхила, где Зевс выведен «*воплощением миропорядка, заступником молящих о защите, блюстителем справедливости*». Такой парадокс объясняется обычно тем, что «Прикованный Прометей» - это только часть трилогии, и критическая характеристика Зевса снимается в других её частях. Существует также мнение, что «Прикованный Прометей» только приписывается Эсхилу, а на самом деле принадлежит автору-софисту.

Для нас тут интересно то, что именно «Прикованный Прометей» оказался востребованным европейской культурой. Мы имеем полный текст трагедии, тогда как от «Прометея освобожденного» и «Прометея огненного» мало что уцелело. Популярность «Прикованного Прометея» при этом не стоит возводить к художественным достоинствам произведения. Главную роль сыграло здесь то, что ситуация вызова, описанная в трагедии, оказалась привлекательней ситуации примирения. Таким образом, история зафиксировала первую победу прометеевского сознания. Сам ли Эсхил поддался искусству или кто-то другой воспользовался его авторитетом, уже не имеет значения.

Так или иначе, «Прикованный Прометей» сохранил для европейцев нового времени заряд противопоставления человека (а Прометей будет переосмыслен как максимально

полная реализация человеческого) и Высшей Силы. Заряженное ружьё должно было выстрелить. Вот как об этом пишет Гадамер:

«С новоевропейским преобразованием прометеевского символа его история начинается заново. Она примыкает к позднеантичной традиции Прометея как создателя людей, но отражает эту традицию в новом самосознании разума, отрешающегося от привязанности к христианству. Эта новая история должна была начаться с Ренессанса, но действительной она стала впервые у Шефтсбери и свою законченную форму обрела в знаменитой оде Гете. В создателе людей Прометее человечество теперь узнает себя в своей собственной образотворческой силе, в области искусств. Это миф о гении, о всемогущей продуктивности искусства; так к древнему символу присоединяется специфически новоевропейский миф о человеке. Художник есть истинный человек, ибо он есть проявление своей продуктивной силы. В творческом начале художественной фантазии заложено всемогущество, не ограниченное никакими оковами данности. Творящий человек - вот подлинный бог. Гетевская ода «Прометей» будоражающим образом довела это ощущение художнической мощи до его антихристианского завершения: Dein nicht zu achten wie ich становится определением титанического человека. Вслед за Гете потом и другие, прежде всего Шелли и Байрон, в созданных ими поэтических образах Прометея обратили эстетическое и этическое самосознание современного человека против христианского предания и христианской церкви. Так в решающий для новоевропейской истории час древний миф обретает утраченную было значимость. В бунте титанов против олимпийцев эпоха открывает свой героический идеал нравственной свободы».

Действительно, следовало бы уже с Ренессанса ожидать эксплуатации прометеевского сюжета в антихристианском ключе, поскольку Ренессанс с точки зрения современности явился первой перестройкой европейской ментальности на новый лад. Но литература как жанр требует авторского осознания происходящего, а осознание обычно запаздывает. Впрочем, эпоха Ренессанса хоть и составила питательную среду для последующего развития матриц ПРОЕКТА, сама по себе не была явлением прометеевским. А вот Реформация реализовала уже чисто прометеевские установки.

Семантически Реформация означает «исправление». Действительно, практика католической Церкви к началу XVI-го века содержала множество элементов, несовместимых со здравым пониманием христианства. Но прецедент Лютера⁴ попадает в перспективу ПРОЕКТА не благодаря критике злоупотреблений папской власти, то есть своей содержательной, богословской части, а благодаря части формальной - структурному построению, когда личность выступает против Церкви, и - побеждает.

Католичество, в отличие от Православия, в определённой степени провоцирует подобное развитие интриги. Церковь в Католичестве предельно персонализирована в лице папы, имеющего право говорить от лица всей вселенской Церкви. И если папа лично неправ, отсюда легко перебрасывается мостик к неправоте церковных установлений.

И всё же восстание личности против структуры, согласно традиции реализующей на земле небесные установления, имело явно прометеевский оттенок. И неважно, что именно утверждала или отвергала личность, завораживает именно сам акт восстания. В нём видится пример, достойный для подражания. Не будь Лютера, не было бы и Кальвина⁵, не было бы и

---

⁴ Мартин Лютер (1483-1546). 31 октября 1517 года он, следуя старому обычаю, вывешивает у дверей дворцовой церкви в Виттенберге, где преподавал в университете, «95 тезисов», приглашая богословов к их обсуждению. Этот момент считается началом Реформации. Тезисы содержали обвинение папы Римского в отступлении от христианской истины. Причиной критики стала практика продажи индульгенций. Индульгенции и сами по себе были богословски сомнительным приобретением Католичества, а выдача их при условии денежного пожертвования выглядела да и была по существу откровенной коррупцией. Но, сказав «а», Лютеру пришлось говорить и «б». Логика поднявшейся волны недовольства церковным управлением в Католичестве заставила его полностью отказаться от Предания и одобрить изменения католической практики. В соответствии с законодательством того времени Лютера должны были сжечь на костре как еретика, но ему покровительствовали немецкие князья, видевшие в Лютере освободителя Германии от власти папы.

⁵ Жан Кальвин (1509-1564) персонализирует собой следующий шаг в протестантизме. Если Лютер был озабочен удалением из церковной практики того, что противоречит буквальному прочтению Библии, то Кальвин оставил в Церкви лишь то, что подтверждается библейским текстом.

всех остальных проповедников протестантизма. Лютер первоначально действительно был озабочен исправлением ложной духовной практики, но позднее был принуждён логикой обстоятельств и своими сторонниками творить духовную практику по собственной мерке. Кальвин и другие пошли по его стопам.

Классический богослов, мысля или высказываясь, вынужден оглядываться на корпус воззрений, принятых его традицией. И если он будет противоречить сущностно важным вещам, его поправят, и он вынужден будет принять эти поправки, поскольку не представляет себя вне традиции. Богослов Реформации лишён какой бы то ни было верификации своих воззрений. Он может высказать что угодно, и если его захотят поправить, он просто отвернётся и пойдёт в другую сторону. Для него главное - не мнение авторитетов, а наличие последователей, то есть мнение толпы. Если его воззрения хоть в какой-то степени популярны, то уже есть почва для создания новой традиции.

Поэтому протестантизм так многолик. Истина в нём есть функция от популярности. История протестантизма - это не столько история развития мысли, сколько калейдоскоп харизм. Каждая сильная личность оставляла свой след, оттягивала одеяло внимания масс на себя.

Можно предвидеть возражение, что бунт против Церкви это ещё не бунт против Бога. Да и сами основоположники протестантизма мыслили богословскими категориями и не нуждались в фигуре Прометея для обоснования своих действий. Стоит ли приписывать их к механизму ПРОЕКТА?

Сначала о фигуре Прометея. В мире христианской Европы ей просто не было места. Для того чтобы образ Прометея стал аргументом в дискуссии, христианство должно уже порядком поистошиться. Сознание, апеллирующее к Прометею, уже не вполне христианское. Для христианского сознания вполне достаточно библейских образов.

Первая реакция христианского сознания на античную мифологию приводит к попытке интерпретировать её с христианских позиций. Коснулось это и Прометея. Тертуллиан использует миф о Прометее, чтобы показать, что и язычники могли иметь истинное знание. Речь шла о сотворении человека из глины⁶. Вообще, Прометея при желании, конечно, можно притянуть к христианству, даже увидеть в нём своего рода прообраз Христа⁷. Прометей выбрал страдания добровольно. Высказанный побудительный мотив, подвигнувший его к выбору пути страданий, это - забота о людях. Чем не христианская мотивация?

Однако в христианстве Прометей не ужился. Как бы ни раздут был в «Прикованном Прометее» пафос человекозаступничества, всё же лейтмотив всей психодинамики Прометея совсем другой. Больше всего его волнует собственный статус. Он мнит себя равным Зевсу и пытается это доказать. Люди же - лишь орудие, с помощью которого решается основная задача.

Невозможность включения духа Прометея в христианское мировидение становится очевидным, например, из сравнения двух историй жертвоприношения. Авель положил на жертвенник самое лучшее, и Бог засвидетельствовал это - дым от жертвенника Авеля поднялся к небу. Прометей же, схитрив при приготовлении жертвы, по сути, уподобился Каину. Но в библейской, христианской традиции Бог отверг Каина. Этим вынесен и приговор Прометею. Бог привечает чистые, бесхитростные сердца.

---

⁶ Тертуллиан в «Апологетике» (18, 2) именует Бога истинным Прометеем. Параллель возникает при описании сотворения человека из глины. В версии мифа о Прометее, изложенном у Аполлодора, с которой, видимо, был знаком Тертуллиан, говорится, что Прометей вылепил людей, смешав землю с водой (Библиотека, 1, VII, 1), Очевидно, что Прометей для Тертуллиана не является полноценным прообразом Христа.

⁷ См., например, Скосарь В.Ю. «Прометей и Христос»

Персонажи библейской истории богоугодны тогда, когда действуют согласно воле Божией. Прометей же поступает по собственному произволению. Это роднит Прометея с инициаторами и последователями Реформации.

Протестанту не нужно посредничество Церкви в общении с Богом. Он сам знает, как с Богом общаться. Протестант прав: Бог близко, но почему-то из этого он делает вывод, что Бога легко узнать. А это не так. Расставшись с традицией, человек остаётся без инструментария познания Бога. Вероятность ошибки возрастает, и человек, как правило, ошибается. Под видом Бога он начинает поклоняться неведомо чему. В скрытой форме возвращается эпоха идолов. Но идолы мертвы. Человек не чувствует духовной помощи, и происходит то, что случилось на заре христианства. Человек отвергает идолов. Но поскольку у человека, исповедующего духовность по собственному произволу, идолы носят имена Божии, отвергая их, он отрекается от самого Бога.

Эта грустная история весьма распространена. Многие убеждённые атеисты начинали с того, что разочаровывались в собственной вере. Это была именно их вера, а не вера Церкви. То есть атеизм рождается на втором шаге, а первый шаг - это шаг Реформации. Сначала мы начинаем верить в Бога на свой лад, а не как учит Церковь, а потом, поскольку эта вера нас не удовлетворяет, мы делаем вывод, что любая вера тщетна, и Бога нет.

Атеизм не нов. Но только что понимать под атеизмом? Современные безбожники с энтузиазмом обнаруживают безбожие в древних текстах. Одним из первых источников религиозного скепсиса называют древнеегипетскую «Песнь Арфиста»:

*«Боги, бывшие некогда,
Покоятся в своих пирамидах.
Благородные и славные люди
Тоже погребены в своих пирамидах.
Они строили дома -
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Смотри, что случилось с ними.
Я слышал слова Имхотепа и Джедефхора,
Слова, которые все повторяют.
А что с их гробницами?
Стены обрушились,
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Словно никогда их и не было.
Никто еще не приходил оттуда,
Чтоб рассказать, что там,
Чтоб поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.
А потому утешь свое сердце,
Пусть твое сердце забудет
О приготовленьях к твоему просветленью.
Следуй желаньям сердца,
Пока ты существуешь»* (перевод А.Ахматовой)

«Боги», с которых начата эта цитата, собственно не боги, а фараоны, обожествлявшиеся в Древнем Египте. Легко увидеть, что атеизма, как мы его сейчас привыкли понимать, здесь нет. Мир не замыкается на материальном и человеческом, речь идёт лишь о том, как человеку следует воспринимать своё нахождение в мире. Мёртвые язычества молчат, и как должен поступать человек перед лицом этого молчания?

Отрицание мира за пределами обыденности в европейской культуре начинается с Древней Греции. Известно имя Диагора Мелосского, получившего прозвище «Безбожник» (ἄθεός). Он пародировал гимны мистерий и открыто глумился над богами. Стоит заметить, что безбожником Диагор стал после предательства самого близкого из друзей, - он ждал, что боги покарают предателя, но как этого не случилось, то полностью разуверился. Афинский суд приговорил Диагора к смерти за нечестие, но ему удалось сбежать. Сочинения его были сожжены⁸.

Судьба Диагора показательна: при всём интеллектуальном кипении древнегреческой культуры безбожие было маргинальным явлением. Оно выражалось в кривлянии и насмешке. Скептицизм серьёзных философов проявлялся в декларациях отстранённости богов от участия в мировой истории. Так, самый популярный из древних мыслителей у адептов позднейшего атеизма Эпикур определяет божество как существо блаженное и бессмертное, которое

«ни само забот не имеет, ни другим не доставляет, а поэтому не подвержено ни гневу, ни благоволению: все подобное свойственно слабым»⁹

А Секст Эмпирик на этом основании делает логический вывод о невозможности что-либо сказать о Боге¹⁰:

«Говорящий, что есть Бог, либо признает, что Он заботится о мире либо что не заботится, и если заботится, то либо обо всем, либо о некотором. Но если бы Он заботился обо всем, то в мире не было бы ничего злого и никакого зла; но они говорят, что все полно зла; значит, нельзя сказать про Бога, что Он заботится обо всем. Если же Он заботится о некотором, то почему Он об одном заботится, а о другом нет? Ибо Он либо и хочет, и может заботиться обо всем, либо хочет, но не может, либо может, но не хочет, либо не может и не хочет. Но если бы Он и хотел, и мог, то Он и заботился бы обо всем; судя же по сказанному выше, Он не заботится обо всем; значит, Он не хочет и не может заботиться обо всем. Если же Он хочет, но не может, то Он слабее той причины, благодаря которой Он не может заботиться о том, о чем не заботится, а понятие Бога противоречит то, что Он слабее чего-нибудь. Если же Он может заботиться обо всем, но не хочет, то можно считать Его завистливым. Если же Он и не хочет, и не может, то Он и завистлив, и слаб; а говорить это про Бога пристало только нечестивцам. Значит, Бог не заботится о том, что в мире. Если же Он не имеет забот ни о чем и у Него нет никакого дела и действия, то никто не сможет сказать, откуда он воспринимает существование Бога, если оно очевидно само по себе и не воспринимается из каких-нибудь действий»

Такова вершина раннего атеизма. Разум исключает божественное из предмета своих рассуждений, поскольку не видит его действия в окружающем мире. Камнем преткновения является очевидное присутствие в мире зла и его главного проявления - смерти.

Это довольно открытая позиция. Покажите такому разуму решение проблемы теодицеи, дайте явные свидетельства проявления божественной силы, и он возвратит Бога миру. Фактически мы видим здесь усталость исстрадавшегося человечества, ждущего восстановления общения Бога и человека. Античность подготовила языческую ойкумену к принятию христианства.

Позднейший атеизм построен на совершенно других интонациях. Если древним скептикам было достаточно констатации отсутствия Бога, то новые безбожники объявили, что Бог мёртв. Согласно метафоре Ницше (1844-1900), люди убили Бога:

---

⁸ См. Никитюк Е.В. «Процессы по обвинению в нечестии (асебии) в Афинах в последнюю четверть V в. до н.э.» (1998)

⁹ Диоген Лаэртский «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Книга десятая «Эпикур».

¹⁰ В цитатах из атеистической литературы мы будем отступать от оригинала, исправляя написание имени Божия.

«Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами - кто смоет с нас эту кровь?»

Безумный человек, такой современный Диоген, от лица которого произносятся данные слова, заканчивает свою речь так:

«Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам - весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звезд нужно время, деяниям нужно время, после того как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, - и все-таки вы совершили его».

Очень интересный оборот. Потенция реализована, но событие не явлено. Предлагается принять на веру. Аналогии со вспышкой молнии или светом звёзд некорректны, в них фактор времени порождается фактором пространства, а в случае с покушением на Бога мы имеем дело с чистым временем. Будущее должно показать, что убийство свершилось. Но будущее - это то, чего ещё нет.

Поэтический язык Ницше пытается утаить подмену. Ницше убеждён, что смерть Бога рано или поздно признают состоявшимся фактом. Для него это неизбежно. Такова надежда богоборцев, такова их больная прометеевская вера, и - только. Но как хотелось бы им выдать желаемое за факт.

Бога нельзя убить. Но можно желать этого и покушаться на убийство, пока стоит мир. Вот лейтмотив нового атеизма. Это активное богоборчество, исполненное агрессии. Атеизм, взыскующий экспансии - явление, несомненно, принадлежащее прометеевской парадигме.

Но за пределами агностицизма простого отрицания Бога недостаточно. Без Бога картинка мироустройства рассыпалась. В соответствии с прометеевской идеологией место Бога должен занять человек, и надо было под это собрать мироздание заново. Встала необходимость срочно найти альтернативу теологической системе¹¹.

Запрос витал в воздухе, любая новая мысль рассматривалась прометеевским сознанием именно под этим углом, и когда Чарльз Дарвин (1809-1882) опубликовал своё «Происхождение видов...» (1859), книга незамедлительно стала центральным событием эпохи.

Однако: *«Следует сделать акцент на одной, очень важной детали. А именно - теория Дарвина, абсолютно вопреки всякому традиционному научному опыту, появилась не в силу каких-то новых научных открытий, а исключительно в силу своеобразного, так сказать, «нового» социального состояния общества. Дарвин не открыл ни одного нового научного закона, не сделал даже ни одного нового наблюдения - он лишь перетолковал несколько старых известных фактов на новый лад для поддержания своей умозрительной концепции, которая формально говорила о происхождения видов, а по сути ломала всю прежнюю творческо-религиозную картину мира, ту, где даже наука считалась с этикой».*

Теория эволюции оказалась удобным конструктом. Ей, изначально имевшей провалы в фактографической базе, была привита редкая гибкость интерпретаций. Ни одна другая теория в истории науки не обращалась с фактами так вольно.

Эволюционные взгляды легко накладываются на самые разные предметные области, несмотря на их, казалось бы, узкодисциплинарные корни. Уже Дарвин сделал, как он считал, вполне закономерный шаг, присовокупив человечество к механизму естественного отбора. Этим были созданы предпосылки распространения эволюционизма на антропологию, психологию, социологию и экономику. Великое противопоставление разумной души человека

---

¹¹ Первую в истории ПРОЕКТА общественно значимую попытку построить объяснительную модель всего сущего, отличную от той, что есть в Библии, сделал Гегель (1770-1831). Гегель не противопоставляет себя христианству. Наоборот, в курсе лекций по философии религии (посмертное издание 1832 г.) он подчёркивает, что христианство - самая совершенная из религий. Но само существование философской системы Гегеля как бы показывает, что для правильного понимания мира самого христианства недостаточно. С точки зрения ПРОЕКТА система Гегеля малоинтересна. И потому, что не отрицает христианство, и потому, что принадлежит не к науке, а к философии, причём самой подозрительной для прометеевского сознания её ветви - объективному идеализму.

и неразумной животного, требовавшее со времён Моисея отдельного объяснения, оказалось снято без лишних эмоций, как нечто, не заслуживающее особого внимания. Немудрено, что также легкомысленно было отвергнуто и другое великое противопоставление - живого и неживого. Живое было признано частным случаем материи, а эволюционизм стал использоваться и при объяснении неживой природы.

Но вот что интересно. Никому в голову не придёт сказать про чайник, поставленный на плиту, что он эволюционирует. Хотя в случае с чайником легко наблюдать смену состояний: сначала вода в нём будет холодной, потом появятся пузырьки, чайник закипит. Если плиту в этот момент не выключить, то процесс продолжится: вся вода выкипит, чайник начнёт плавиться, и, в конце концов, вероятен пожар. Изменение состояний звезды, по сути, принципиальным образом ничем не отличается от изменений состояния чайника, но мы то и дело слышим про эволюцию звёзд. Почему?

Чайник слишком далеко от Бога. Если чайник выкипел, то вряд ли мы будем объяснять это Божией волей, скорее головотяпством хозяина. Иное дело - звезда. Сказать про вспышку сверхновой, что это - результат эволюции звезды, то же самое, что замазать имя Божие чёрной краской. Если нечто эволюционирует, то, стало быть, обходится без Бога. Исключить небесные сферы из Божией опеки, - это задача как раз прометеевского масштаба. Отсюда и соответствующая терминология.

Понятие эволюции создаёт иллюзию объяснения. Материя самоорганизуется. Для цементирования основания ПРОЕКТА достаточно этой формулы. Более подробные формулы излишни. Добросовестные учёные, конечно, могут копаться в деталях, искать механизмы реализации этой общей идеи, но занятие это неблагодарное, поскольку то и дело обнаруживается, что факты плохо укладываются в теорию, и поиски объяснения надо начинать сначала. Так можно разувериться в эволюции и выпасть из ПРОЕКТА. Гораздо безопаснее довольствоваться общими соображениями.

Впрыснутая в массовое сознание, теория эволюции стала одним из основных штаммов ПРОЕКТА. Она несёт убеждённость, что всякое новое состояние более совершенно и потому исторически оправданно, облегчая человечеству расставание с багажом прошлого. В первую очередь это касается религиозной веры. Если эволюционирует материя, то все разговоры о нематериальном мире - просто пережиток эпохи незнания. Как бы этически ни хороша была вера, её следует отринуть, так как для неё нет оснований.

Теория эволюции даже не пытается конкурировать с религией. Адепты эволюционной теории знают, что всякое этическое сравнение будет не в её пользу. Нравственность для эволюции - чужое поле. Поэтому нельзя допустить соревнования, соперник должен быть отстрелян на старте.

В мире, который строится по лекалам ПРОЕКТА, человек является последней инстанцией, критерием всего и вся. Он - в центре, и он же ограничивает горизонты Вселенной. Действия человека не должны иметь мотивировкой ничего, выходящего за пределы человеческого. Всё обрублено по человеку, любая социальная практика. Современная наука свела мироздание к тому, как оно представляется человеку. Современная экономика воспринимает сущее с точки зрения возможности его приватизации человеком. Ущерб от пролитой в океан нефти оценивается потерями туризма и рыболовства. Природы самой по себе больше не существует, она просчитана в стоимостном выражении. Аналогично и с нашим внутренним миром - эмоции и желания становятся основами новых видов услуг. Скорбь исчисляется судом в деньгах под видом морального ущерба. Юриспруденция и государственное управление оперируют мнениями людей как единственным и достаточным источником легитимности. В обыденной жизни не остаётся места религиозному чувству.

Религия в современном мире (за исключением, пожалуй, стран фундаментального Ислама) загнана в гетто церковных собраний. Человек, испытывающий религиозную потребность, может её реализовать в храме, подобно тому, как любую другую потребность - в

другом месте. Но выносить религию за пределы церковной ограды не поощряется. Да и затруднительно: распространённые практики слишком жёстко настроены на светскость.

При этом под светскостью надо понимать именно антирелигиозность. Светскость не нейтральна, как нам пытаются внушить, она не является фоном, грунтовкой, материнской средой, в которую выпадает человек, за пределами деятельности, предписанной религией. Светскость - специальным образом созданная и настроенная система, призванная отторгнуть обыденность от религиозного чувства.

Говоря о подгонке мироздания под человека как одной из основных методологий ПРОЕКТА, необходимо сделать несколько комментариев.

Начнём с того, что человеческое не всегда оценивается как лучшее. Довольно популярен образ, порождённый сумрачным сознанием Шопенгауэра (1788-1860):

В бесконечном пространстве бесконечное количество самосветящихся шаров; вокруг каждого из них кружится дюжина меньших, освещенных шаров, раскаленных внутри, но покрытых затвердевшей холодной оболочкой; на внешней стороне этой оболочки слой плесени, которая производит живых и познающих существ; вот эмпирическая истина, реальность, мир.

Уподобление разума плесени и разговоры на тему «имеет ли человечество право на существование» также востребованы ПРОЕКТОМ как и магистральная линия восхваления человеческой экспансии. Мы имеем здесь дело с необходимой антисистемой, призванной канализировать реакцию на насаждаемый пафос. Способность человека к ревизии собственно человеческого, а в пределе - к самоуничтожению - вполне прометеевская добродетель. Ничто не являет самоволие в столь полной степени, как самоубийство. Прометеевское сознание способно верить, что человечество со временем будет преодолено - отсюда ожидание сверхчеловека, существа новой эры («Эры Водолея», как она называется у современных оккультистов, кстати, одних из самых верных «прометеевцев»). Отсюда же - готовность уступить место носителям более совершенного разума (роботам, компьютерам, продуктам геной инженерии), которую возвещают не только фантасты, но и философы.

А. Карпов